

О КОБЫЛЯНСКАЯ

АССКАЗЫ ❧

О. КОБЫЛЯНСКАЯ

РАССКАЗЫ

Перевод с украинского

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1954

Печатается по изданию:
О л ь г а К о б ы л ь н с к а я . И з б р а н н о е ,
Гослитиздат, М. 1953 г.

ВОЛЧИЦА

(Рассказ из народной жизни)

Почему именно Зоя Вергер была, как она сама говорила, крещена «по-польски», то есть по католическому обряду, в чисто украинском, православном и частично униатском селе Р. на Буковине, теперь уже никто не помнит. То ли не оказалось православного или униатского священника, в то время когда родилась Зоя, то ли другие причины и обстоятельства побудили поступить так семью Вергеров,— никто особенно над этим голову себе не ломал. Но поскольку она была «полькой» и величала себя таковой, как и большая часть жителей села, то так и оставалась «полькой», ходила «до косцолоа» в соседнее местечко и лишь изредка заглядывала в православную церковь. А что она не говорила ни на каком другом языке, кроме как на чистейшем украинском, как и ее тихий по нраву муж, тоже католик, а впоследствии и ее дочь Санда и три ее сына: Микольцо, Юзько и Янко — эти последние вслед за отцом и одевались по-крестьянски,— над этим не задумывалась ни она, ни ее муж Павло Жмут, ни сыновья Микольцо, Юзько, Янко, ни дочь Санда, ни кто-либо другой. Да, может, и не важно было все это, потому что все знали и помнили еще, что родители Зои Жмут, старые Вергеры, были обукраинившиеся немцы и совсем этого не скрывали, особенно старая «буньця»¹ Катерина Каспер. А что в то время, когда родилась маленькая Зоя, там мог очутиться какой-нибудь «польский»

¹ Буньця — бабушка.

ксендз и по воле случая окрестил ее «полькой», то это, конечно, только случай. Да и не об этом идет речь.

У Зои Жмут было, как сказано, четверо детей. Три сына и дочь. Крестили их католиками, и были они, как говорила мать, «поляками». Потом «польский» ксендз умер. Все его оплакивали. Он был добрый и честный, но умер. Может, пришлют другого на его место... говорят... да это все равно: молодой или старый.

Зоя Жмут — отличная хозяйка, равных ей не найти на селе.

И скот у нее и лошади не последней породы, и земли вместе с Павловой до десяти фальч¹, — всего хватало. Были эти поля кое-где похуже, кое-где получше. На так называемом «Зеленецком» (по имени бывших владельцев) бугре получше, а в долине похуже. Об этом знали и старые Жмуты и молодые, потому что Зоя напоминала об этом довольно часто, — она была самой энергичной в семье и вела хозяйство. Павло Жмут был неплохой хозяин, но когда вечером залает, бывало, собака, чуть не срываясь с цепи от злости, и в хате уже знают, что в усадьбу вошел чужой, а может быть и недруг, — то именно «тетка Зоя» (как ее иногда называла молодежь) брала из угла скипетр хозяина в виде длинной толстой дубины с шишкой, величиной с гусиное яйцо, выходила одна, никого не дожидаясь, и спрашивала (как и на этот раз), кто и зачем «по ночам» таскается. Разузнав, в чем дело, она возвращалась в хату, и только тогда Павло Жмут выходил ей навстречу.

— Кто там, жена? — вопрошал он смиренным голосом.

— Да чего там! Вот голодранцы! Ведь не придет же угром, как господь велел, а дожидается темноты и вдруг вынырнет, словно нечистый, народ пугать. Это Василь... сын Георгия-Василя Горпинино, — и тут же кинула взгляд на свою Санду. — Приходил спрашивать, не нужно ли нам чего в Б., он-де завтра туда едет. Это мне нравится! Будто у нас самих лошадей нет, обезножили, и нам *почтальон* нужен, чтобы «скребницу», как наказала ему Санда, — опять взгляд в сторону дочери, — или постромку для теленка купил. Я его так поблагодарила, что теперь уже не скоро явится; все же он хозяйский сын, наведалься,

¹ Фальча — около десятины.

вот и поблагодарила, сказала, что нам постромки ни для кого не нужны, разве, может, ему понадобятся?

С этими словами она вручила большую, суковатую палку главе дома, Павлу Жмуту, и он, с важностью и ничуть не удивившись, водворил ее возле своей кровати, откуда никто не смел ее брать. В эту минуту в хату с хохотом вошли два старших сына.

— Василь Георгия-Василя Горпининого был здесь, Санда... ты знаешь? — сказал один из них.

— Хватит, что вы да мать знаете, а мне какое дело?

Проговорив это, молодая, стройная Александра надула довольно толстые и бесформенные губки и занялась своей работой: сучила нитку из купленной в городе хлопчатобумажной пряжи. Мать собралась ткать полотенца. Для нее ли, или для кого другого, этого никто не знал, потому что мама не любила делиться своими хозяйственными соображениями.

— Не сделаешь как следует, — отказывала она, если кто-нибудь из детей пытался ей помочь или вмешаться. Ей трудно было угодить, потому что она была из тех, которые все знают лучше других. Испечет, бывало, Санда хлеб точно по указаниям матери, и все-таки он обязательно либо слишком «крутой», тесто как ком, либо пересолен, либо недосолен, либо пережарен, либо опять же буханки из-за жидкого теста расплылись и получились какие-то точила с коркой, которую хоть под жернова клади, либо опять же так густо посыпана лопата отрубями, что липнут к небу и деснам — хоть ногтем шелуху скреби.

Одним словом — никто не мог угодить тетке Зое своей работой. Если ее муж, входя в хату, сообщал о надвигающейся грозе, указывая на страшную тучу, напоминал, «что надо бы загнать скот, овец и всю живность, а то, не дай господи, как бы гроза не убила, не натворила бы бед», — Зоя выбегала стремительно из хаты, оглядывала небо и, возвратившись, преспокойно говорила ему:

— Может, и будет гроза, нужно загнать скот, а ты, Санда, собери загодя и овец, но, пока она грянет, мы успеем еще и в город сходить и обратно вернуться. Ползет по небу, точно расплывшаяся молодница, может, еще и разойдется, а может, проползет, да не над нашей хатой.

Когда Зоя продавала вместе с Павлом что-нибудь на селе — скотину ли, жеребенка, молочные продукты, или

хотя бы даже курицу, он никогда не получал деньги на руки, все припрятывала она от мужа и детей.

— Вы их потеряёте, Павло,— говорила она,— или кто украдет из рук, а то купите что-нибудь ненужное, или что другое приключится, и наши труды пропадут даром.

— Я их лучше сохранию, Павло, никто до них не доберется.

— Теперь и окна выдадут, не говоря уж про дверь или мужицкую смекалку.

Павло уступал жене, зная, что она и в самом деле копейки зря не истратит. Зоя время от времени неожиданно ни свет ни заря надевала самое ветхое свое платье, брала тихонько из угла мужнин скипетр и, сутулясь, поспешно уходила в город Ч.

Так и на сей раз, собрав немного деньжат, она задумала отнести их в Ч. в городской банк. С вечера она приготовила себе все, что нужно, а утром чуть свет уже выбралась из-под рядна, напялила на себя поверх новой старую юбку, «потому все-таки она не кто-нибудь» и в городе «негоже» появляться в лохмотьях, тем более что она заходила к своей старой знакомой пани и ночевала у нее.

— Куда вы, мама? — спросила Санда, с трудом продавая заспанные глаза.

— Тише, Санда, тише, дочка,— прошептала Зоя, чтобы не разбудить старика и того из «болванов», который спал на лавке под окнами,— я в город за лекарством... что-то уж очень часто сосет под ложечкой, в аптеку нужно...

— Да я сбегаю вместо вас в аптеку, мама. Зачем же вам самой ходить? Сидите дома! Вы лягте, а я быстро соберусь и пойду, через часок буду снова здесь... С. недалеко.

Старуха не соглашалась.

— Мне зеленая мазь нужна, ее не всякому дадут. Сама уж лучше пойду. Ведь нужно рассказать аптекарю, где и что болит. Да и старую бабу он скорее поймет и пожалеет, чем молодую. Тсс! Не ждите меня, если задержусь. Вари, что знаешь и что хочешь, не теряй время, потому что я, куда бы ни пошла, вернусь, дочка, может быть, даже завтра. А потерянное время не ворочается, для него господь стежки не обозначил. Корову, что с теленком, хорошенько выдой, бычку оставишь только два

соска, ему уже скоро шесть недель, не нужно, чтобы он ее высасывал, а молоко нам и дома пригодится. Бычок на продажу пойдет. Наседку с яиц не забудь снять, а полотно, если успеешь, растяни еще нынче на траве и бели. Воду набирай не крынкой, а маленькой жестяной лейкой, что я в прошлом году купила; до Петрова дня все полотно должно быть побелено; после Петрова, сама знаешь, беление ничего не стоит. Солнце уже не такое щедрое. Хлопцы, особенно Микольцо, пускай не валяются после обеда, а кончат жать полосу, отец не может за всех работать... ну, будьте здоровы!

Санда проводила мать до ворот. Выйдя за ворота, Зоя добавила:

— Если кто станет меня спрашивать, скажите, пошла к крестнице, не обязательно всем знать, куда я путь держу...

Санда вернулась, легла еще на часок в постель, а вставши, принялась за работу, стараясь исполнить все материнские наказания...

Пожилая женщина быстро зашагала по дороге, тянувшей вдоль нив, оглядываясь время от времени, не идет ли кто за ней. Кукуруза уже выпустила свое прядево и шелестела, словно украдкой рассказывая друг другу, что делается вокруг, а полосы пшеницы ритмично колыхались, поблескивали, точно желтые воды, и ждали рук с серпами или косами. То там, то сям перекликались перепела, а из густого клевера, утопая по ушки, пугливо выскакивал, высоко прыгая, заяц и мчался на другое место. Солнце припекало все сильнее, и Зоя присаживалась на краю поля между рядами кукурузы отдохнуть... потом, оглядев дорогу, много раз отмеренную ее тощими ногами взад и вперед, торопливо извлекала из исподнего кармана маленький сверток и принималась разглядывать его. В нем была не еда, не пузырек для лекарства, не яйца на продажу. Нет. В нем была обмотанная несколько раз, до округлости, сберегательная книжка, а в ней бумажные деньги за проданную живность, их-то она время от времени относил в город Ч., чтобы положить в банк, на старость, украдкой от «болванов»-сыновей, мужа и Санды. Не потому, что ей жалко было истратить копейку на мужа, нет. Сохрани боже! Не жалела она их и для детей... но хлопцы, разве можно им верить? Недавно у нее

исчезли, как сквозь землю провалились, две лучшие курочки — «Пуганка» и «Сивулька», одна из них клала два раза в неделю по два яйца, как божий день, яйца с двумя желтками каждое, это была ее золотая жила. Они сами не ели яиц с двумя желтками, не годится... а дивчине Санде тоже «не ялося» такое... вот она и носила их панам да евреям и складывала полушку к полушке, меняя их потом на бумажки. Хоть Зоя и любила хорошо одеваться, на то она была «полькой», и не носила никогда плахту... и кикю... это одежда «Иванов», но все же она не очень-то любила тратить деньги на «верхнее». Павло и не спрашивал для себя больше, чем нужно, довольствуясь одним-двумя кожухами, сердаками¹, которые она ему справляла, и Зоя время от времени все-таки относилась в главный городской банк по «капельке», то ссылаясь дома на болезнь, из-за которой приходится самой идти к аптекарю, то уверяя, что ее просто-напросто «потянуло» заглянуть в большой костел, где играл орган и звонили польские колокола.

Вот так и на этот раз вырвалась она в город, в банк. Идет она спокойно. Дома оставила все в порядке... В городе знакомая пани, где в случае нужды и переночует; сверху, как уже сказано, она одета убого, чтобы никто «бабу» по дороге не тронул.

Как задумала, так и сделала. Добралась, сгорбленная, потная, до города и зашла, не торопясь, в банк. Переходя на каменных ступеньках, в прохладе роскошного вестибюля бок о бок с другими людьми, преимущественно мужчинами, которые пришли с той же целью, что и она, и тоже отдыхали здесь, с важным видом переговариваясь шепотом, положив возле себя на ступеньки широкополые шляпы и, чтобы было понятнее, помогая себе жестами, и всем этим вместе взятым составляя своеобразную картину,— Зоя поднялась по лестнице к знакомому ей уже банковскому чиновнику и, размотав из нескольких больших и маленьких узелков помятые банкноты, передала их вместе с книжкой. Сделав, что нужно, чиновник возвратил ей книжку и остаток желанных денег, после чего она ушла.

Почти полгода не была она в городе, и он ошеломил

¹ Сердак — суконный вышитый кафтан, иногда на бараньем меху.

ее богатством пестрых витрин — всевозможных цветных материй, башмаков, платков, стекла, посуды разнообразных сортов и форм — до такой степени, что она, словно зачарованная, простаивала перед всем этим, погруженная во всякого рода соображения, и в то же время подсчитывала в уме, что можно купить, а чего нельзя на свое оставшееся после вклада состояние.

«О, немного,— сказала она про себя,— совсем немного, да и стоит ли? Жалко денег. Лучше как-нибудь в другой раз, а может, и совсем не нужно».

Так, переходя из улицы в улицу, она купила в конце концов кое-какие мелочи, замешкалась и осталась ночевать у знакомой пани, которой продавала то полотенца, то ковры, то два фунта шерсти. Возвращаясь домой, чтобы оправдаться перед любопытствующими домашними, купила в аптеке еще «зеленой» мази, про которую чуть не забыла и которой натирала иногда ноги от ревматизма... купила маленькую бутылочку рома и две булки для мужа, по пачке табаку «мальчишкам», Санде — батистовый платок по краям в клетку — такой она видела у органистики в церкви — и отправилась, вполне удовлетворенная, домой.

Вернулась она на другой день после обеда, усталая, но довольная. В хате никого не застала. Это ее немного раздражило.

«Как можно оставлять хату без присмотра? А где наседки? Где утята? Где они? Это все Санда, все Санда»,— думала Зоя, и грудь ее вздымалась, словно предвещая скрытую бурю, которая вот-вот разорвет эту грудь.

Она даже застонала в немой досаде. Попадись ей только Санда на глаза, она бы уж ее отчитала, только попадись! За это она ей «батистовку» в клетку купила? За это? Гм? Не худо, что хоть тех, то есть мужа и сыновей, не оказалось... наверно, в поле хлеб жнут. И то хорошо, а то обычно, когда Зои не бывает дома, они не очень-то спешат на работу. Микольцо залезет в бурьян или кукурузу, распустит пояс и спит, храпит вовсю... а муж и Юзько одни работают. И вечно так, размышляла она, лишь бы ей назло. Вечно так.

Но раздумывать ей пришлось недолго. В ту минуту, как она собралась выйти в небольшой садик и там «от-

лежаться» в холодке, пока не появится кто-нибудь из домашних, в хату вошла Санда, с завязанным в полотняный платок пустым горшком, миской, ложками и остатками мамалыги, которую она носила с борщом отцу и братьям в поле на обед; белую косынку она надвинула на самый нос — солнце нажарило ей лицо.

— Ой, мама, хорошо, что вы вернулись, — начала она, поставив посуду на столик, чтоб помыть ее. — Почему так опоздали? Если бы не работа да не вот этот обед, я бы уж за вами побежала, — заговорила она первая, увидав, что мать не в духе.

— Ноги болели, дочка... Пришлось заночевать в городе, хорошо еще до дому кое-как по этой жаре дотащилась... — ответила Зоя, и гнев, казалось, на минуту покинул ее сердце. — А много им еще осталось? — спросила она, имея в виду рожь.

— Да нет, немного. Сегодня так рано вскочили, что я почти и не слышала. Пока полдничали, я за них жала. Отца жалко, хлопцы, когда я подходила, уже разлеглись и ждали меня. В печи славный борщ. Я его забелила сметаной и два яйца вбила. Поешьте, а я сбегаю подою корову, запоздала маленько, — и, готовясь уйти, задержалась еще на минуту. — Мне ничего не купили, мама?

— Купила.

— Ну-ну? Что?

Юное загорелое Сандино лицо просияло.

— Розовый батистовый платок, по краям в клетку, такой же, какой у Антоновой органистики.

— Покажите, мама!

— Нет! Сначала подои корову. Небось у нее уже вымя набухло. Давно пора. Потом покажу.

Санда выбежала, а Зоя разложила свои покупки и все ощупывала их: надули ее в городе или нет. Когда спустя короткое время девушка вернулась и, управившись с молоком, стала примерять «батистовый в клетку», Зоя вышла взглянуть на полотно — не пересохло ли, не нужно ли полить его снова водой. Полить следовало. Как раз в это время мимо хаты проходил молодой скорняк Савка, которого все село знало как честного, прекрасного работника и славного человека. Он низко поклонился Зое, почти коснувшись шляпой земли, и остановился.

— Как ваше здоровье, тетя? — спросил он робко.

— Как и ваше, только постарше, — ответила Зоя.

— А панна Санда дома?

— Дома, работает, а вам она нужна?

Молодой скорняк смутился...

— Не то, чтобы нужна, — ответил он, — а просто... спросил... давно ее не видел...

Зоя пожала плечами и, хоть в этом не было необходимости, полила полотно еще раз.

Савка с удовольствием смотрел на белое полотно, которое серебром отливалось на солнце. Его глаз скорняка тотчас прикинул и сосчитал, сколько там локтей и какова ему цена.

— Здесь, тетя, у вас двадцать четыре локтя полотна, — сказал он.

— А верно, пан Савка, — промолвила она уже более благожелательно.

— На продажу? — спросил он смелее и подошел ближе.

— Может, и на продажу. Охота купить? — Она прищурила свои черные глаза и улыбнулась; приветливо или сердито, он не мог разобрать.

— Будь жена и надобность, может и купил бы!

— Так женитесь. Кто вам мешает? Вы одни, хата есть, почему бы не жениться?

— Да что проку... Хата, правда, есть, да если нет в ней живой души, о которой думаешь, — пустая она. Человек счастлив, когда вдвоем живет.

Это было сказано со смыслом. Савка остался доволен своими словами... Но тетя Зоя разговор не поддержала. Она наклонилась в эту минуту над полотном и разглаживала его ладонью в одном и том же месте, сосредоточив якобы на нем все свое внимание.

Тут из хаты вышла Санда. Увидав молодого скорняка, она приблизилась к воротам, где у колодца было растелено по зеленой мураве ослепительно белое полотно. Савка взглянул на девушку, глаза их встретились, и оба они смутились. Глаза тети Зои уловили все это.

— Ты бы пошла, Санда, нарвать в кукурузе бурьяна пороссятам, — сказала она и, повернувшись к молодому Савке, спросила: — Сколько вы берете за шитье короткого киптарика?¹

¹ Киптари́к — кептар — овчинная безрукавка.

— Из моих шкурок и расшитого шелком? — спросил Савка, и глаза его заблестели. — Сшить вам, пани Жмут?

— Нет, из моих шкурок, Савка, и пускай хоть расшитый шелком.

— На польский покрой?

— На какой там польский! Крой как крой. Плечи прямые, спереди до пояса или чуть длинней, с кожаными петельками... Сколько возьмете за работу?

— Если для вас, пани Жмут... — и он назвал умеренную цену — несколько крон.

— Дороговато, — ответила Зоя, — отдам сшить из сукна, и дешевле обойдется. Да еще дам оторочить тесьмой из чистой шерсти. Так-то, пан мастер.

Молодой мастер пожал беспокойно плечами и заглянул, точно искал спасения, в глаза Санде, которая нарядилась почему-то, не ожидая воскресенья, в «батистовый в клетку» и все еще стояла у ворот, будто и забыла совсем о наказе матери нарвать бурьяну.

Взгляд ее серых спокойных глаз останавливался то на лице неумолимой матери, то на Савке, которому хотелось хоть сколько-нибудь проникнуть в мысли тети Зои... насчет... его особы и его намерений...

Санда не долго думала... она уже угадывала эти мысли.

— Шкурка — не сукно, пани Жмут... а сукно — не шкурка... — защищался мастер Савка. — Цену вам, пани Жмут, сказал такую, что только для вас. На вас я не хочу зарабатывать, но жить-то и мне нужно.

— А сколько бы вы взяли с других? — допытывалась тетя Зоя.

— Еще половину того, что спросил с вас.

— Хи-хи-хи, — рассмеялась Зоя. — Хорошо зарабатываете, — сказала она. — Я еще подумаю, Савка... еще по-толкуем об этом, — добавила она погодя.

— Как вам будет угодно, пани Жмут, — ответил мастер, приподняв шляпу. — Я сошью вам такой киптарики, будет как писанный. Положитесь на меня, я за свою работу ручаюсь. Вышью кому угодно... А потом, может, и панне Санде? — При этих словах его губы растянулись, добродушное лицо осветилось будто солнцем.

— Может быть, — ответила Зоя.

— А в церковь завтра не пойдете, пани Жмут? — от-

важился, поглядев на девушку, спросить Савка после минуты упорного молчания Зои. Санда зарумянилась.

— Нет,— ответила сухо Зоя.— Зачем мне в церковь ходить, если я и без того бога в небе вижу.

Скорняк беспокойно переглянулся с Сандой, подняв выразительно брови. Потом обернулся к тете Зое и, прощаясь, поклонился нарочито низко, едва не коснувшись шляпой ее ног, словно покорный индеец почитаемой им госпоже, повернулся и ушел.

Наступило молчание.

Из цедилки жестяной лейки зашипела вода и с серебряным треском полилась на длинное белое полотно.

Санда скрылась за воротами, словно сквозь землю провалилась. «Батистовый по краям в клетку» оказался почему-то в хате под столом, и немного погодя среди густой, уже созревавшей кукурузы взвилась молодая, звонкая, голосистая, полная слез песня.

.....
Павло Жмут со старшим сыном Миколой вернулись с поля довольно рано. Повесив свои серпы высоко над окнами на крючки, на которых осенью, да и зимой обычно красовались связки отборных «ангалыков»¹ — лучшей мелкозернистой кукурузы, Жмуты, сняв шляпы, уселись на завалинку.

— Слава богу, кончил полосу,— сказал Павло и потер потный от дневного зноя лоб.— Не знаешь, мать уже дома? — добавил он.

Микола заглянул в сени и в хату и, не увидев там матери, взял пустые ведра, повесил на коромысло и пошел по воду.

— Э, вижу,— крикнул он на ходу,— вон вижу ее платок на постели, должно быть вышла куда. Принесу куда воды, а то и Санды нет в хате.

Пока он ходил за водой, явился средний сын, Юзько, а за ним и младший, Янко. Уселись. Юзько вынул из-за пояса пачку табаку и стал скручивать цыгарку.

— Не знаете, где мать? — спросил снова Павло и с трудом поднялся с завалинки, чтобы самому поискать ее. Он устал. Почти с рассвета все они были на ногах, вышли жать рожь, чтобы закончить начатую позавчера полосу. И закончили.

¹ Ангалык — початок кукурузы.

Младший, Янко, возвращался с ними, но завернул в кузницу; с колеса спадала шина, и его чинили. Янко поставил колесо на место и сел рядом со старшими братьями. Микола был задумчив, едва отвечал сквозь зубы; Юзько раскуривал цыгарку... она дважды гасла. Откуда-то из сада показалась вдруг Санда, она несла траву в хлев, взвалив ее на плечи. Набрала такую пышную охапку, что головы почти не было видно. Высокая, тонкая, ритмично покачиваясь на ходу, обеими руками она придерживала ношу; быстро-быстро бежали молодые ноги, чтобы трава не успела сползти с плеч и не рассыпалась следом за ней по земле.

Вдруг заскрипели ворота: братья, все трое разом взглянули в ту сторону. В воротах показалась Зоя и вскоре предстала перед ними, словно каменная статуя.

— Где вы были, мама? — спросил Микола, и тотчас за ним — Юзько. — Ждем вас... полосу кончили... давайте скорей ужинать.

— А я колесо принес, мама...

— Куда вы ходили, где так долго задержались? — спросил, вставая, Янко.

Зоя сплюнула.

— Что вы мне тут толкуете? — закричала она. — Я ушла, а вслед за мной ушел и мешок кукурузы. Все вы были дома... так-то вы стережете хату?! Замок от чулана на чердаке сломан, исчез стокиловый мешок с отборной кукурузой, тот, самый лучший, в красную и зеленую полоску! Ищите вора! — крикнула она не своим голосом, грозя кулаком. — Вон из хаты! И не дам ужинать, пока мешок с кукурузой не будет у меня на месте.

Сыновья встали и переглянулись.

— Мама, — сказал Микола, — это не могло случиться нынче ночью. Я сам ночевал на чердаке. Может, позапрошлой, перед тем, как вы ушли в город.

— А вы зачем в город ходили, мама, — вмешался Юзько и вырос вдруг стеной перед матерью, — *зеленой мази* купить? Так, что ли? *Зеленой мази*? — он усмехнулся и взглянул ей пристально в глаза, его курчавая красивая голова коснулась платка над ее лбом. Зоя подавалась назад, и ее глаза злобно засверкали.

— *Зеленой мази*. Чтоб ты знал... Такой *зеленой*, как твои глаза, которыми тебя бог покарал. Ты-то знаешь, куда делась кукуруза. Ты один. Если кто приложил руку

к этому делу, так только ты. На чердак никто чужой не лазил, а ключ от замка висит там, куда я его повесила.

Юзько снова усмехнулся. И эта его усмешка, которой он одновременно и манил и дьявольски издевался, убивала Зою. Она, как и раньше, подалась назад, схватилась за голову и заголосила.

— Заявите в канцелярию, — отозвался коротко и равнодушно Микола. — Сам сейчас пойду!

— Иди, иди! — вопила Зоя. — Иди и скажи, что, если найдут вора, я дам на церковь.

— Куда, мама, дадите? — спросил Юзько, и на его губах заиграла прежняя улыбка.

— Я дам...

Тут Юзько опять заглянул ей в лицо, точно ножом полоснул.

— Вы дадите, мама? Да вы же покуда скупитесь накормить собственных детей да одеть их получше! *Вы? Вы?* Сами когда-нибудь попользуетесь, сами... но... — здесь он оборвал, — когда в землю уйдете... а пока... вы еще никому ничего не давали, а если давали, так словно по родной матери скорбели. Кому вы хотите дать, хочу я знать, и что?

— На церковь... — закричала она, — на церковь! Ступай прочь от меня... ты... вор!

— Нет, мама, *нам* дайте за то, что мы на вас работаем, господь в вашем «на церковь» не нуждается. А если дадите нам сами, бог и вам и нам пошлет. Это я вам говорю. Ваш сын говорит.

— Не дам ничего. Работайте без меня, вы молодые... я старая. Не дам, не дам, еще раз говорю, не дам...

Старый Павло, услышав женин голос и ссору с сыновьями, взял из угла свою палку и переступил порог хаты. Не говоря ни слова, он только протянул вперед правую руку, сжимавшую этот длинный суковатый жезл.

— Тихо! — рявкнул он решительно. — Чего расшумелись! На-до-ело мне все это! на-до-ело! Сейчас же в хату! — И, повернувшись к двери, жестом позвал всех за собой. Зоя бросилась опередить его.

— Ой, пан-хозяин ты мой, что больше спит, чем лежит, еще и ты голос подал? — *завопила она.* — Вместо

того чтобы за меня заступиться и спросить, куда запропал мешок кукурузы, палку мне суешь? А?

Она с поднятым кулаком подскочила к нему. Юзько отстранил мать и стал между ней и отцом.

— Если вы нам скажете, зачем в город ходили, зачем надевали сверху дранье, а под низ хорошую одежду, так и я вам скажу, кто взял ваш мешок.

— Да, да, почему ни с того ни с сего в город ходила,— подхватил Павло из-за спины Юзька,— ведь за мазью могла бы сбегать и Санда.

— Или я, мама,— заметил Юзько, стукнув себя кулаком в грудь.— Или я!

— Пошла, насиделась хозяйка, да и вернулась с порожними руками. Где то, что купила на взятое? А?

Павло высоко поднял и снова опустил суковатую палку из-за спины сына. Он не терпел ссор. Сейчас он был утомлен и голоден... и Юзько, тот самый Юзько, которого все почему-то больше всего любили, лучше поговорит за него, да и... вот уж и Микола вернулся, пускай они повоюют с матерью. Он не принимает близко к сердцу пропажу мешка с кукурузой, не сердится. То ли бывало — и ничего, обошлось!..

— Я вам покажу, что купила за то, что взяла с собой,— свирепо кричала Зоя мужу.— Покажу, думаешь, нет?

Бросилась в соседнюю, так называемую большую комнату, и спустя несколько минут вернулась. Подошла к столу, вынула из фартука покупки и шумно разложила их по порядку.

— Вот бутылка рома для отца, вот одна булка, вот другая булка, пусть пойдет ему на здоровье... а здесь батистовый платочек Санде на голову, она у меня *единственная*, вот по краям как со стежкой, в клетку, какой носит органистиха из Б., а тут табак, одна пачка для Миколы, другая для тебя, байбак, что сердце мне гложешь и фальшивый, как Иуда... а тут... тут... *зеленая мазь*.

Юзько обернулся к брату:

— Гляди-ко, Микола, мама нам в Ч. по пачке купила, потому *здесь их нельзя достать!* Видал, человече?

И ткнул Миколу под самый нос пачку табаку.

— Понюхай, человече, ведь это черновицкая! Ну что ж! Лучше что-нибудь, чем ничего...